№ 105.
А. 90.

ЛУЧЬ
БЛАГОДАТИ,
или
ПИСАНІЯ
Н. А. К.

Божія никто же вѣсть, точію Духъ Божій I. Кор. гл. 2. ст. 11.

1813

Аще кто не родится свыше, не можетъ видѣти царствїя Божїя. Іоан. гл. **III.** *ст. 3.*

ПИСЬМА къ Л***

I.

Посылаю къ вамъ, яко сердечному и любезноближнему моему, бумажку, о которой я и самъ не знаю, что сказать. По нечистотѣ моей не льзя быть чистому; разсмотрите сами. Скажу только, что я нечаянно и безъ приготовленія всякаго написалъ сіе; получа, не знаю отколь, вдругъ какъ клубокъ, изъ мыслей сихъ скатанный, и сіе случилось при молитвѣ по утру. Я едва успѣлъ положить на бумагу, спѣша, чтобъ не позабыть; и написалъ точно такъ, какъ пишутъ обыкновенно изъ готоваго, и безъ

малѣйшей перемарки. Скажите мнѣ, дражайшій мой другъ, не... ли въ свѣтлой одеждѣ, дабы какъ нибудь разсѣять меня; или тутъ худаго и погибельнаго нѣтъ (а)?

2.

Болѣзненное спражданіе, въ которомъ я нахожусь близь года, есть крестная купель, гдѣ я должень прошиву поврежденной и изнѣженной своей воли омыться, очиститься и просвѣтиться и муромъ помазаться. И такъ всѣ, кажется, спаранія о облегченіи меня суть и будутъ тщетны. Я хотя и признаю, что сіе со мною дѣйствіе продолжается по

(а) Прим: сіе письмо писано при посылкѣ піесы 1 й: Помни Евангельской бракъ и проч. 1789 года, Апрѣля 2 дня.

волѣ Божіей, однако не безъ ропота сношу; да и какъ безъ того, человѣкъ-то есть. И Самъ Богъ, будучи человѣкомъ, отсылалъ чашу скорбей, которую Ему пить опредѣлено было. За сіе хотъ побраните, но я написалъ то, что думалъ; я дуренъ и духомъ и тѣломъ, слѣдовательно не скрываю предъ вами дурноты моей.

3.

За письмо ваше и за совѣтъ о службѣ благодарю съ чувствомъ братскимъ. Я оставляю и самъ статью сію на промыслъ Божій, будучи доблественно увѣренъ, что попущеніе Его тамъ токмо будетъ, гдѣ *я* и въ чемъ *я* не сдѣлаю помѣхи духовному моему благоспѣянію и Божественной Его въ ду-

шѣ моей алхиміи, производимой чрезъ Бога Духа, яко вѣчнаго Исполнителя совѣта и чертежа (плана) Святыя Троицы.

О себѣ скажу, что я изряденъ, но желаю знать о вашей простудѣ, кончилась ли она, и каковы вы? — Писать больше не знаю что, развѣ сказать сказочку, буде не наскучу вамъ, и буде есть досугъ прочесть; и такъ внемлите:

Одинъ человѣкъ, стараясь по возможности своей быть вѣрнымъ рабомъ Господу своему, искусился въ одно время отъ старой своей обруганной, обезчещенной и изгнанной изъ мѣста веселія прелюбодѣйцы (плоти), которая ему предложила дѣло тапьбы, и уговорила его хитросплетенными лжами, что можно и отъ нуды перелесть во дворъ ра-

дости и мира для снисканія и спяжанія себѣ пажити; уговорила и показала путь.

Сей человѣкъ, не испытавъ, чей былъ гласъ и духъ, движущій его, принялся за оружіе и пустился въ путь.

На пути семъ молитвою и другими упражненіями, относящимися къ разнымъ духовнымъ операціямъ, и даже наконецъ роптаніемъ, склонилъ и подвигнулъ Всемогущество и Любовь оправдать предъ сею недостойною тварью судьбы Свои и обличить его въ дерзости и заблужденіи.

Онъ допущенъ былъ до нѣкоей страннаго вида ограды, чрезъ которую нѣкоторымъ подпрыгиваніемъ или взлетаніемъ, мудрено дѣлаемымъ, что-то видѣлъ, чего не знаетъ и самъ. Но примѣтя, что видѣнное имъ

не сдѣлало на него ни малѣйшаго вліянія (*), и чрезъ то не давало ему знать о себѣ, что оно есть; приписалъ все сіе мечтѣ и вздору, и едва токмо началъ было опускаться къ базису оной ограды, какъ вдругъ услышалъ страшно громкій голосъ: *Азъ есмь дверь!*

За гласомъ симъ пустился онъ весьма быстро, и конча вмѣстѣ съ эхомъ гласа сего свой бѣгъ, увидѣлъ и подлинно нѣкую дверь, или лучше сказать, щель

(*) Такъ какъ бы написанное на картинѣ солнце, кое хотя и видишь, но не пользуясь бальзамическимъ его вліяніемъ, не можешь объ немъ сказать, что оно есть по силѣ своей. Тамъ же, видно, познаютъ вещи не по фигурѣ, но потому, что онѣ суть.

весьма низкую, но широкую такъ, *что всѣ бы люди міра сего могли пройти вдругъ, буде бы тѣло не мѣшала величина ихъ, и буде бы могли себя изпразднить отъ тучности духовной и быть нищими духомъ, дабы взлетать туда могли.*

Къ сей двери всѣ вещи стоятъ челомъ своимъ такъ, что буде бы, кажется, кто вошелъ въ нее, то всѣ бы они литься чувствительнымъ образомъ начали въ него, и онъ бы разумѣлъ ихъ не такъ, какъ видѣлъ тотъ съ боку не позволеннымъ образомъ, но разумѣлъ бы и зналъ по духу и вкусу ихъ.

Человѣкъ оный подшелъ однакожъ къ двери сей; но ахъ! жалости достойно! онъ стоялъ передъ нею такъ, какъ бы исполинъ предъ дверьми Лилипут-

цевѣ; и тогда, когда онѣ не зналѣ и думалѣ, что сѣ симѣ ростомѣ дѣлать, и какѣ отколь лезть, увидѣлѣ надѣ головою своею изѣ за ограды показавшееся крыло, на коемѣ изображенѣ былѣ вѣ картинахѣ весь процессѣ крестной жизни *Іисуса*, и послѣдняя была картина распятіе Его на крестѣ.

Сколь скоро обозрѣлѣ онѣ всѣ сіи явленія, то паки услышалѣ гласѣ: *изѣ яслей путь проложенѣ сюда!* И тогда отверзлось вѣ немѣ поняпіе не фигуральное, но другое какое-то, о всемѣ этомѣ, чрезѣ которое обратился онѣ вѣ себя и увидѣлѣ свое заблужденіе и святотатство; увидя наконецѣ и то, сколь праведны суды Божіи, не допущающіе насѣ неготовыхѣ кѣ тому мѣсту, гдѣ бы мы, вѣ повре-

жденномъ состояніи своемъ озарясь тамошнимъ просвѣщеніемъ, учинились тотчасъ Сатаною, и погибли бы на вѣки; онъ сталъ осторожнѣе и позналъ, что крестъ единый есть изъ всѣхъ путей надежнѣйшій, и *жизнь Іисуса*, которая не иное что есть, какъ то же крестъ, есть дверь въ святыню сію.

Смиреніе его (Іисусово) и крайнее отверженіе самаго себя есть и подлино низкая и весьма поземная щель для нашей гордости и себялюбія, которую не унизишь другимъ путемъ, кромѣ того, который лежитъ, или проложенъ *изъ яслей во Святая Святыхъ*.

И такъ видно, любезнѣйшій другъ, должно и намъ новое рожденіе свое начать въ ясляхъ и изъ яслей, дабы не перерости

мѣры дверей и не ошибшись дорогою въ нашемъ шествованіи къ святому мѣсту, гдѣ ждетъ насъ Іисусъ со мздою за труды.

Вотъ вамъ повѣсть, которую я сего дни слышалъ и вамъ сообщаю; за тѣмъ будьте здоровы, и вѣрьте, что я желаю и стараюсь быть вѣчно съ вами во Іисусѣ.

4.

О повѣсти вы отгадали, съ кѣмъ оная случилась; такъ отгадывайте и впредь, буде что будетъ отгадывать.

Подробнаго описанія, любезный мой другъ, не требуй отъ меня. Я сообщаю ее вамъ, NB собственно и лично вамъ, любя васъ безмѣрно много, пострадалъ и за то. и ахъ! едва ли и нынѣ еще не страдаю!

Сообщеніе сіе сдѣлалъ я не въ порядкѣ, и крѣпясь долго, не выше рпѣлъ наконецъ, чтобъ не раздѣлить съ вами; чемъ пресшупя наказаніе (наученіе) духа, воздыхаю нынѣ о незрѣлости еще и крайней молодости моей въ таковыхъ вещахъ.

Не должно, дорогой мой другъ, и повѣрь моей хошь малой опытности, что не должно говорить о случаяхъ и видѣніяхъ таковыхъ, дондеже достигнемъ всецѣлаго царствія Божія, и дондеже не приложится тебѣ все прочее; не такъ, якоже кажется вскользь и устраненно, но якоже есть.

Ѣдущій въ П* безумно сдѣлаетъ, буде залюбуется принадлежащими П* дачами, остановится на пути и станетъ описывать пріятелямъ красоту ихъ.

Таковой потеряетъ жаръ желанія и рвенія своего, скорѣе ѣхать къ своему предмету, и возмнивъ о просвѣщеніи своемъ, почувствуетъ въ себѣ сытость (самодовольствіе), и потомъ въ предверіяхъ оныхъ или обителяхъ (понимая сіе духовнымъ образомъ) закружась отъ просвѣщенія собственнаго своего свѣта, или лучше сказать чада, станетъ описывать не иное что, какъ вертижъ свой; и потомъ падетъ, буде любовь Божія не явитъ ему милосердія Своего, подобно какъ герою повѣсти нашей.

Друже мой почтенный, сердечный брате и ревностный спутниче! не соблазнися о мнѣ, что я умалчиваю какъ о подробности повѣсти, такъ NB можетъ быть и о многомъ толкованіи видѣн-

ныхъ вещей. Сіе пребудетъ не явленнымъ дополѣ, доколѣ NB и паки NB могу или выучусь сказать *я* безъ *я*.

Помни сіе и ни о чемъ столько не прилѣжи, какъ чтобъ быть въ духѣ, душѣ и тѣлѣ совершенно безъ *я*. (а) Потомъ помни, что *ясли и крестъ два суть мечи, коими покупается царствіе Божіе.*

Опять NB крайней бдительности потребно, дабы на сихъ монетахъ выпечатанъ былъ соб-

---

(а) Зрите, колико безпорядочна любовь моя къ вамъ; теряю всю скромность и пишу, аки бы въ наставленіе. Примите сіе за знакъ великой моей откровенности къ вамъ и за желаніе обходиться съ вами не всегда по обрядамъ и обязанностямъ внѣшнимъ.

спѣшный образъ Христовъ; ибо я видѣлъ и не лгу, что многіе изплеваны были и будутъ съ фальшивыми сими монетами, на коихъ выпечатанъ образъ ихъ, а не Христовъ; и которые даже много имѣли крестной жизни во время свое, и дѣла смиренія, кажется, были всегдашними дѣлами ихъ. Сего ради часто вамъ должно говорить горячо и слезно: *Боже! даждь намъ во свѣтѣ Твоемъ узрѣти свѣтъ!*

Изъ ясней путь проложенъ во Святая Святыхъ, весьма громко сказано; и потому сіе достойно вниманія, равно какъ и то, что духовное крещеніе оканчивается хоромъ *Аллилуіа*....

Любовь моя къ вамъ заводитъ меня отъ часу далѣе, и такъ кончимъ, моля и прося Всемогущаго и неизреченно много

изобилнаго Бога, да даруетъ намъ тѣлесное здравіе, душевную чистоту и духовное смиреніе. Кто сихъ трехъ даровъ не имѣетъ, тотъ пусть отнюдь не берется за перо описывать вещи духовныя, хотя бы ему оныя иногда и явлены были.

Отъ чего заблуждался Шведенборгъ, да и другаго Авпора, (*) (коего не смѣю сказать) отъ чего сочиненія на многихъ мѣстахъ человѣчиною пахнутъ? Отъ того конечно, что не утверждены были въ сихъ трехъ дарахъ, на которые единственно возсѣдаетъ Духъ Божій, и дѣлаетъ насъ во внутренности подобными тѣмъ многоочитымъ и вездѣличнымъ живописнымъ, кои фигурально явлены были рабу

(*) Пора...

Божію Іезекіилю. NB въ сихъ ищехъ дарахъ совершенствовать себя надлежитъ съ верху; съ низу же не льзя, и не есть путь истинень, аминь!

5.

Прилагаемыя здѣсь бумаги лежали у меня написанными долго, и я, поруча ихъ Богу, ожидалъ всегда явленія воли Его. Наконецъ по нетерпѣнію моему дерзновеніе имѣлъ спрашивать, какъ ему благоволитъ Онъ быть; но оставался однакожъ безъ *да* и безъ *нѣтъ*.

Поступокъ мой въ сообщеніи вамъ повѣсти въ то время, когда я еще имѣлъ самостію преисполненное сердце отъ радости прыгающимъ, покаралъ меня довольно, и научилъ быть въ такихъ дѣлахъ посеріознѣе; и такъ я зарылъ было ихъ въ даль-

ній мой сундукъ, боясь исполнить мою волю, не будучи извѣстенъ о Божіей.

Не занимался я уже вовсе мыслію, сообщить ли мнѣ сообщаемое вамъ, или нѣтъ, какъ вижу въ прошедшую ночь въ весьма благоговѣйномъ и несмѣшанномъ снѣ, вотъ что:

Ты, любезный другъ, и еще Н. Н. и тотъ, который пріѣзжалъ съ вами въ тотъ вечеръ (І. А. П.), когда мы простились и я уѣхалъ изъ М... ложъ и я, пришли куда-то въ видѣ странствующихъ, и въ царство, кажется, особаго Христіанства, не знаю за чемъ. Поживъ нѣсколько, вамъ особливо такъ тамъ полюбилось, что вы, подружась съ какимъ-то Пастыремъ, или того закона Священникомъ, но чиновнымъ, спа-

ли просить его о опредѣленіи васъ чемъ ни наесть въ церковный причетъ. Мы всѣ прое вамъ въ томъ не мѣшали, а вы, объявя намъ намѣреніе свое, сказали: что вить же мы, братцы, ѣдимъ хлѣбъ города сего, такъ семъ принесемъ по силѣ и услугу ему. Я буду служить, а вы мнѣ помогайте.

Наконецъ назначенъ былъ день принятія васъ въ службу. Пришли мы всѣ прое въ одинъ огромный домъ, гдѣ въ залѣ стоялъ богатоубранный подъ балдахиномъ столъ, и на немъ чаша съ муромъ; подлѣ стола стоялъ Священникъ въ одѣяніи, крайне блистательномъ, и ожидалъ васъ. Сколь скоро вошли мы въ залу; то услуга церковная, взявши васъ подъ руки, подвела къ столу. Священникъ помолясь, съ коимъ

купно и мы молились, началъ васъ мазать муромъ, и помазавъ вамъ лобъ, очи, уста и уши, оспальное муро, обнаживши васъ до пояса, вылилъ на васъ. Отъ чего, кажется, вы даже вспрыгнули отъ радости духовной, которая оплилась также и на насъ, и мы аки бы услаждены были чемъ.

Вы, одѣвшись и пересказывая намъ, какъ вы приняли ощутительно Божію благодать, бросились по карманамъ, и сколько нашли денегъ, послали тотъ же часъ раздать нищимъ; однако сказали вамъ, что здѣсь нищихъ нѣтъ, и нищае васъ не опыщете. По семъ вы призадумавшись спросили: кудажъ мнѣ дѣвать эти деньги? На что вамъ сказано: брось, они здѣсь не ходятъ.

Послѣ сего кто-то изъ братьевъ, подступя къ Священнику, началъ его весьма благопристойно спрашивать, на что васъ мазали мvромъ; и что вы и мы крещены и мvромъ мазаны? Онъ на сіе отвѣчалъ, что всякое крещеніе безъ сего крещенія, не совершенно и нечисто; ибо тѣмъ очищается отъ клятвы тѣло, а симъ духъ, которому чрезъ сіе токмо единственно крещеніе возвращается потерянное имъ право наслѣдства и усыновленія. Окончавъ сіи слова, взялъ онъ васъ за руку и повелъ въ близъ стоящую, весьма великолѣпную церковь, куда пошли и мы; но едва лишь отворилъ онъ дверь и въ нее мы вошли, то поражены были ужасомъ, увидя ее всю закоптѣлою, какъ крестьянскую избу,

и захарканною весьма дурными мокротами.

Должность твоя, оборотясь къ вамъ сказалъ Священникъ, обмывать и очищать сію церковь. Закоптѣлость въ ней происходитъ отъ того, что не изъ чистаго воска ставятъ свѣчи принадлежащіе сюда прихожане. Они все то дѣлаютъ лишь для одного наружнаго вида, чтобъ только горѣли свѣчи, и чтобъ ихъ похваляли за усердіе; о томъ же, какимъ и какъ должно въ храмѣ Божіемъ горѣть свѣчамъ, не помышляютъ. Полъ сей захарканъ (и даже съ низу, такъ какъ на аршинъ, и стѣны) больными. Разумляй первыхъ и запрещай послѣднимъ; вотъ твоя должность.

Въ продолженіе всѣхъ сихъ словъ вы, стоя, плакали горько. (якоже и я теперь, писавши те-

бѣ, мой милый другъ, строки сіи) прочіежъ брашья, равно и я, во снѣ не плакали. Наконецъ Священникъ спросилъ васъ: о чемъ же ты плачешъ? Вы не отвѣчали ему ни слова, а плечами лишь пожали. Потомъ онъ сказалъ: ты въ должность сію пожелалъ самъ, и такъ да не будутъ слезы твои слезами разкаянія, но молитвы. Окончасіе, онъ намъ откланялся, и давши брату П. И. какую-то книгу, пошелъ въ алтарь, коего мы не видали, и который затворенъ былъ.

Идучи на квартиру, выпросилъ я дорогою у П. И. книгу, дабы заглянуть, что въ ней написано, и развернувши, увидя ея напечатанную славенскою печатью, началъ читать сіи точно слова: „Добробъ было человѣку быть „всегда такъ, какъ при пожарѣ.

„Онъ тогда стоитъ на кровлѣ „дома и безпрестанно ее поли- „ваетъ водою, дабы падающія „искры не зажгли дома. Дурныя „наши мысли, падающія и осыпа- „ющія наше сердце, достойны „того, дабы мы молитвою и те- „плымъ воздыханіемъ поливали и „заливали ихъ безпрестанно; ибо „одровенелое (слова сіи какъ теперь вижу красными буквами напечатанныя) сердце наше тот- „часъ загорится и надѣлаетъ „потомъ много бѣдъ и трудовъ.“ Посемъ я проснулся.

Не вывожу я изъ сего ни того ни другаго, и не придираюсь къ этому, дабы сего ради послать къ вамъ бумаги сіи; но посылаю ихъ къ вамъ изъ единой моей къ вамъ любви и желанія смиренно выслушать ваше на все это примѣчаніе, которое при-

нималъ я всегда и принимать буду съ должнымъ уваженіемъ и покорностію, принадлежащею другу, брату и внутреннему водителю. Сбылось ли сіе съ вами, или сбудется, да будетъ въ честь и славу Божію, о коей пещись по силѣ всякому изъ насъ должно.

Вы же, сердечный и дорогой мой братъ, прибавьте молитвы, дабы зрѣть свѣтъ истинный не въ преломленіи лучей, но якоже оный есть. Въ семъ состояніи будешъ исправенъ въ должности, какою ты помазанъ, или помажешься, буде я не химеру выспалъ. Прощай, цѣлую васъ духомъ. (*)

(*) Прим. Сіе письмо покойный К. писалъ, посылая піесу 2 ю: Селенія Святыхъ, и слѣдующую за нею ноту.

6.

Картину (*) получилъ и благодарю за присылку; дерзаю сказать, чтобъ вы были гораздо и гораздо поскупѣе въ раздачѣ ихъ.

7.

Буде знать хочешь о состояніи моемъ внутреннемъ, то оно во славу Божію зрѣетъ хорошо, и я не сиротствую. Спасителю нашему, Господу и Искупителю Іисусу Христу да будетъ честь и хвала! Онъ со мной, при мнѣ и во мнѣ безъотступно.

О когда бы ты, мой другъ, точно узналъ, что я говорю не общимъ языкомъ, *что во мнѣ и при мнѣ*, пролилъ бы ты отъ радости слезы, видя внутреннее

(*) Изображеніе храма натуры и благодати, сдѣланное Л ***

состояніе мое! хотя при всемъ томъ наружное есть для плоти... самъ можешь измѣрять, коково.

8.

Купель моя, кажется, довольно горяча; но да будетъ воля Крестящаго! Помолись, другъ мой душевный, да не паду, или преткнуся о камни, которыми часто бываю заметанъ онъ нашего врага.

9.

Примѣчаніе ваше на картину я читалъ; но что ничего вамъ не отвѣчалъ, такъ потому, что я теперь не знаю, что сказать, кромѣ того, что прошу и молю Спасителя, дабы Онъ всегда былъ къ вамъ столь милостивъ и щедръ, сколько есть; да не отженемъ только сами Духа Его, чрезъ духа собственнаго мудрованія.

Присланную книгу (*), когда только могъ хотя по строчкѣ читать, читалъ съ крайнимъ удовольствіемъ, и при всемъ томъ, что въ ней въ иныхъ мѣстахъ натуры много; однако для не млекомъ уже питающихся книга полезна и добра крайне. Не надо только каждому совѣтовать читать такого рода писаній, ибо они не чувствительно крайній вредъ сдѣлать могутъ. Мы по нашему невѣжеству тотчасъ станемъ искать въ себѣ Гіонши, или Бема, а себя бросимъ.

Безъ сомнѣнія, что всякъ изъ насъ долженъ быть Бемомъ

(*) Переводъ изъясненія пѣсни пѣсней Гжи Гіонъ. Писавшій сіи письма никакого иностраннаго языка не зналъ.

(а). Къ сему призываютъ насъ верховные путеводители духовные, и се есть конецъ нашей работы. Кто не будетъ Бемомъ, тотъ всѣ труды свои, знанія, чтенія пусть броситъ въ навозъ; но Бемомъ однакожъ, по скольку кто можетъ, и по скольку вѣчный Духъ каждаго приметъ въ Себя можетъ, аминь!

10.

Отраднѣйшій другъ мой! благодарю моего Бога, что Онъ,

(а) Прим. Сіе должно разумѣть въ разсужденіи возрожденія и просвѣщенія въ Премудрости; но въ прочемъ каждому опредѣлена особая мѣра свѣта и дарованій отъ Бога. Истинная же и совершенно полная мѣра возраста показана намъ во Іисусѣ Христѣ, какъ-то говоритъ и Св. Апостолъ Павелъ, къ Ефес. гл. 4. ст. 11. 12. 13.

видя немощь мою и крайнее изнеможеніе на теперишнемъ пути моемъ, благоволилъ близъ меня быть не тѣмъ людямъ, которые великому Предшественнику нашему на крестъ дали оцта съ желчію къ благословляющимъ успамъ, просящимъ хотя въ сію точку времени изъ всего тогда спрадательнаго бытія Его прохлады; но прохлаждающимъ точно, и точность сія тѣмъ дѣйствительнѣе, что дѣло благословляется Богомъ за любовь.

Но горько, мой другъ! былъ ли полно когда между истинными братьями кто либо столь земносиротенъ, какъ я? Цѣлые дни одинъ; душа же наша поминутно хощетъ обращаться съ существомъ, ей подобнымъ, не могши, и ахъ! иногда и долго, съ Тѣмъ,

Кому она еще можетъ быть худо себя уневѣстила.

11.

Въ Іюнѣ 1790 года, за три недѣли до смерти писавшаго.

Кресла, чай и деньги получилъ съ любезнымъ благодареніемъ Богу, что Онъ хотя и опредѣлилъ меня вести до черты, Имъ назначенной, подъ разнородными крестами; но въ крестъ бѣдности благоволилъ быти врачу. О Илія! о друже Божій! я крайне еще далекъ отъ праведности твоей, но пользуюсь изъ единыя любви Бога нашего тѣмъ же, чемъ ты. Блаженный и свѣтлый духъ твой да пропоетъ предъ Саваоѳомъ, аллилуіа! ибо мое пѣніе по нечистотѣ своей не можетъ достигнуть туда!!!

СОЗЕРЦАНІЯ.

1.

Помни всегда Евангельскій бракъ. Въ немъ означены три великой важности состоянія души: первое *призываніе*, второе *украшеніе*, третіе *празднованіе*.

Возвращеніе также имѣетъ три степени: первая *призываніе*, когда душа, по силѣ дѣйствующаго въ ней Бога Духа, начнетъ разсматривать себя, и возмерзя собою, станетъ молить и воздыхать о очищеніи своемъ. Степень сія приводитъ таковую душу къ степени второй, второя же степень называется *дѣятельная*, а по Евангельски *степень украшенія*. Тутъ должна душа перемѣнить устную молитву

свою на шворительную, и желаніе на самое дѣло.

И когда въ сей высочайшей и великой степени душа украсится; то есть, претворитъ себя въ точный образъ Христовъ; и по искушеніи, кое Богъ для нее употребитъ, явится она не предъ собою, но предъ Богомъ, подлинно претворенною (пресущественною), а по Евангельски въ брачную одежду облеченною; тогда, не имѣя уже нужды ни молиться ни мыслить о добродѣтеляхъ, ниже насиловать себя на всякое доброе дѣло, или внимательною быть на себя (занимаясь собою, примѣчать за собою; ибо таковая душа претворяетъ добродѣтели не токмо въ дѣла, помышленія, желанія и слова свои, но даже въ дыханіе свое, въ натуру свою) переходитъ она къ *послѣд-*

ней и верховной степени вовращенія, а по Еvангельски празднованія; гдѣ безъ всякаго насилія и безъ всякаго навыка, въ недѣйствіи (онѣменіи, остолбененіи) но по влеченію Самаго Бога, душа втекаетъ въ Него съ непонятною свободою и восхитительнымъ ужасомъ; съ Нимъ соединяется и празднуетъ (ликуетъ) въ Немъ сверхчувственнымъ и сверхпонятнымъ образомъ.

Многія души прилѣжатъ къ важнѣйшему и таинственнѣйшему вовращенію сему насильственнымъ и учебнымъ образомъ, не усовершась и не бывъ подлинны въ степени второй. Они лишъ тратятъ время, дѣлая себѣ науку изъ того, и мѣшаютъ сами себѣ радѣть о одеждѣ брачной, т. е. о кротости, любви,

терпѣніи и высокомъ отверженіи Христовомъ. Хотя имъ по часшно и дается иногда успѣхъ; но токмо для испитія чаши при *бракѣ* изгнаннаго.

Слава Тебѣ, Іисусе, явившему сіе благоданіію Твоею! аминь! аминь! аминь!

II.

Боже! Самъ вразуми мя и научи, како рѣку о просвѣщеніи Твоемъ, и даждь ми избытотествовати въ правдѣ!

Селенія святыхъ исчислить, познать и изрѣщи, колико ихъ есть, не возможно.

Они занимаютъ пространство неизмѣримое, и составляютъ акибы нѣкія шереніи (линіи), другъ надъ другомъ возвышенныя: и сіе не фигурально, но нѣкоторымъ оттѣненіемъ.

Изъ центра токмо ихъ, который есть царство Любви-свѣта, и къ которому они обращены, опколь они оживлены, предъ коимъ они отверзены и обнажены, можно ихъ не ложно и истинно видѣть, и можно сказать о лѣпообразности ихъ, и не въ мѣчпательномъ восторгѣ рѣщи: *дивны дѣла Твои, Господи, и хтущій ихъ,* то есть, *во свѣтѣ Твоемъ видѣвшій и проницающій сіяніе и красоту ихъ, единую радость обрѣтаетъ!*

Сверхъ сего и кромѣ сего, можно ихъ также видѣть и периферіально, акибы избочно или вскользно, и весьма въ диковинномъ лѣпообразіи. Можно имѣть объ нихъ нѣкоторое понятіе искаженное, или не знаю какъ сказать, изуродованное, противъ

познанія центральнаго, можно потому и описывать ихъ и утверждать о видѣніи ихъ, что и не ложно будетъ. Понеже симъ образомъ зритъ ихъ и Сатана, и изъ сего-то NB периферіальнаго познанія составилъ онъ себѣ особенную свою мудрость и собственный свой свѣтъ, чрезъ которые можетъ онъ открывать даже и намъ (да сохранитъ насъ Богъ!) величайшія таинства въ натурѣ, въ священномъ Писаніи, и даже таинства о Богѣ, о Христѣ и Святой Троицѣ: хотя и не такъ, какъ все то есть въ откровеніи Любви-свѣта, но такъ, какъ онъ изъ собственной точки зрѣнія видитъ ихъ.

Изъ сего-то и высоко-и тонко-ложнаго свѣта и мудрости произошли имѣютъ лжепророки, лжеапостолы, лжехри-

стотолкователи и даже мученики и чудотворцы, и составятъ антихристическую церковь.

Многіе ими прельщены, и ученіемъ ихъ и откровеніемъ многихъ таинствъ очарованы будутъ; почему отпещатятся истиннаго, убогаго, въ яслѣхъ рожденнаго, оплеваннаго, измученнаго, распятаго и на крестъ умершаго, то есть, сего истиннаго Христа, Сына Божія, (при семъ словѣ появилось крыло со изображеніемъ всего страданія и смерти Христовой) и церкви Его, и привергнутся ко христу ложному и къ его церкви и къ писаніямъ другимъ, которыя хотя будутъ преисполнены святымъ Писаніемъ, тончайшимъ ученіемъ и толкованіемъ о Троицѣ, о Христѣ и о Его церкви, но будутъ

однакожъ ложны, и увы! духомъ самаго Сатаны писаны.

Антипророки и антіапостолы сіи будутъ однако изъ сыновъ истинной церкви Христовой, и даже изъ званныхъ въ царство Любви-свѣта для помазанія. Они надмѣру возревнуютъ о созерцательномъ просвѣщеніи своемъ, и паче нежели о дѣйствительномъ успѣхѣ въ крестъ Іисуса. Въ семъ состояніи будутъ они проходить многія селенія Святыхъ, и узрятъ, яже око не видѣ, и яже ухо не слыша, но не яже, при всемъ томъ, на сердце человѣку не взыде: понеже познаніе сіе (*) центральное есть

(*) которое на сердце человѣку не взыде.

NB и не въ видѣніи и слышаніи, но въ силѣ состоитъ; а они все то увидятъ еще не изъ центра Любви-свѣта, но перифериально и мимоходомъ.

Тутъ-то откроется въ нихъ крестная несозрѣлость, (неоспѣлость) то есть самость, не точно умерщвленная и вовсѣхъ ея жизненныхъ и самомалѣйшихъ пылинкахъ на крестѣ самоотверженія не изгушенная; самость оживетъ, и сама въ себѣ останавясь, повлечетъ въ центръ свой любовь, которая до того устремлена была въ центръ Любви-свѣта. Самость она сперва пребываетъ тутъ нѣсколько аки изумленною, а потомъ начнетъ сама себя двигать. Отъ сего движенія самости произойдетъ въ нихъ сфера нѣкотораго перифериальнаго просвѣщенія, которое

прибываетъ и убываетъ въ нихъ по мѣрѣ сильнаго, или слабаго ирриіованія, или, такъ сказать, напиранія разумичной своей части избочнымъ шварнымъ свѣтомъ, или внѣшноструктурною красотою.

Великій Боже! Самъ зришъ, что бодрый отъ силы Твоея духъ мой имѣетъ немощную плоть, и что ни языкъ ея, ни рука ея не можетъ изобразить того и въ сотую часть, что Ты явилъ мнѣ; но совершай однакожъ силу Свою въ немощи недостоинаго раба Твоего, для прославленія имени Своего, и для сохраненія отъ діавольскихъ сѣтей народа Твоего.

Понеже самость человѣческая есть черенокъ, привитый къ древу самости первѣйшаго врага Божія (Луцифера), по сколь скоро отпрыснетъ она въ нихъ,

(т. е. въ падшихъ оныхъ изъ званныхъ) или, какъ сказано, оживетъ; по тончасъ уже и пипается изъ него, въ немъ растетъ, разширяется и приноситъ многіе плоды духа вражія, духа лестча; коими плодами имѣютъ многіе напитаться и сдѣлаться (не знаю какъ сказать, и учинятся) духовно винпальны, или духовно кудрявы, т. е. потеряютъ простоту во всемъ и смиреніе, и чрезъ ту винпальность или кудрявость свою не попадутъ уже потомъ *въ лѣпо-презрѣнную и бѣдную, низкую, простую, въ истинную дверь царствія Божія.*

NB. Я сію кудрявость видѣлъ въ духѣ крайне живо, и слышалъ сіи слова (при нѣкоторомъ разтрясеніи, или развипіи моемъ): *„дѣти да будутъ для васъ лутшія книги!*

И дивно, что сіе (вышеписанное зла распространеніе) дѣлается только суб пильно-духовнымъ образомъ, что они и сами (т. е. приносящіе такіе плоды) вовсе того не видятъ, коего они духа суть, и даже заклинаютъ діавола, ревнуютъ крайне о добрыхъ дѣлахъ, ходятъ въ церковь, молятся Богу, пріобщаются святыхъ Таинъ, читаютъ святое Писаніе, пишутъ и говорятъ о высокихъ таинствахъ и о своемъ просвѣщеніи: что все однакожъ не суть дѣла Духа Божія, кои одни только истинны и угодны суть Богу, и кои творятся единственно въ самоотверженныхъ и самостии ни въ чемъ какъ въ земномъ, такъ и небесномъ, не имѣющихъ чадахъ Божіихъ.

Посредствомъ онаго-то черепка дѣлался, дѣлается и дѣ-

лашься будетъ Сатана обезьяною въ дѣлахъ Божіихъ, кои Богъ творилъ, творитъ и творить будетъ для спасенія и изкупленія рода человѣческаго; и сего-ню ради нѣтъ ни Богослуженія, ни молитвы, ни благоговѣнія, ни поста, ни расточенія для бѣдныхъ имѣнія, ни пророчества, ни вѣры, ни познанія высочайшихъ шаинствъ, ниже нѣтъ мученичества какъ плѣснаго, такъ и духовнаго, гдѣ бы человѣкъ не былъ во всемъ томъ обезьяною сею обманутъ, буде самость его не будетъ совершенно и точно, по примѣру Іисуса, умерщвлена и даже изсушена на крестѣ.

Изъ ясней путь положенъ во Святая Святыхъ: се токмо есть одно и послѣднее состояніе, т. е. смиреніе и самоотверженіе, въ коемъ и изъ коего на крылахъ

вѣры и любви безопасно возлетаютъ малоизбранные (не многіе избранные) изъ числа многозванныхъ къ центру Любви-свѣта, гдѣ прилагается имъ (открывается, дается) все прочее, якоже есть; и гдѣ помазуются они на испинныя дѣла Божія, (на службу Божію) яко-то, на проповѣданіе слова Божія и таинъ царствія небеснаго, на наказаніе (наученіе) въ словѣ Божіемъ, и на сохраненіе и очищеніе его отъ адскихъ плевъ, кои діаволъ сѣетъ и сѣять будетъ чрезъ пророковъ и апостоловъ своихъ; тожъ и на сбереженіе народа Божія: словомъ, гдѣ помазуются они въ священники и цари.

Наконецъ сказуется, что центръ также есть и въ словѣ Божіемъ.

Читающій его для него, понеже оно есть Божіе слово; любящій его для него, понеже оно есть истеченіе изъ центра любви, и есть центръ любви, призывающей и спасающей родъ человѣческій; очищающій и просвѣщающій себя опъ слова онаго и для него, понеже тьма съ свѣтомъ общенія не имѣетъ, сей токмо единственно можетъ достигнуть центра его, и узрѣть въ немъ дивная, красная и неизреченно любообильная и сладостная Божія; кратко сказать: совершенно и всецѣломудренно безъ самости читающій слово Божіе, или шествующій къ Его свѣта—жизни центру, потерянному человѣкомъ чрезъ паденіе перваго грѣшника, единъ дойдетъ къ центру сему, уразумѣетъ тайны царствія Божія и обрѣтетъ

его, купно съ приложеніемъ прочаго.

Кто жъ, не дошедъ самости ради до центральнаго его свѣта, въ коемъ единомъ можно зрѣть не ложно вся премудрая и дивная слова Божія, спанетъ проникать въ глубину таинствъ единою предшествующею чистотъ разумичною частію (каковыхъ примѣровъ гордостныхъ и плачевныхъ много было и есть); таковый проникнуть ихъ истинно и центрально не можетъ, а проникаетъ ихъ периферіально; и не такъ, якоже они суть, но якоже онъ зритъ изъ собственной точки хаотическаго понятія своего.

Отъ сего-то бываютъ и писанія таковыхъ ложны и къ истиннымъ писаніямъ церкви Христовой не принадлежащи; и отъ

сихъ-то всѣхъ плевъ, хитросѣя-мыхъ врагомъ Божіимъ (Луциферомъ) чрезъ самость служащихъ ему и созидающихъ его церковь, должны очищать и защищать слово Божіе и церковь Христову помазанные въ священники и цари.

Боже! Самъ вразуми чтущаго и даждь ему зрѣти истину сію, не якоже являю, но якоже Ты явилъ мнѣ!

III.

Нота на повѣсть, изображенную въ письмѣ третьемъ.

Принявъ слово *восхищеніе* въ значеніи такомъ, что человѣкъ бываетъ тогда аки бы кѣмъ выхваченъ изъ самаго себя и унесенъ выспрь, не могу я сказать, чтобы было со мною такимъ об-

разомъ *посѣщеніе Духа Божія* тогда, когда оно было; ибо оное было такъ:

Я вспаю обыкновенно по утру тогда, когда еще въ домѣ моемъ не встаетъ никто. Сіе бываетъ до разсвѣта за два часа. Въ одно таковое время въ самый моментъ молитвы моея подстрекнулъ меня кто-то, дабы я оповѣдалъ чрезъ разныя духовныя движенія мои и устремленіе ихъ въ вѣрѣ въ невидимые субъекты внутреннихъ міровъ, не могу ли также и я видѣть тѣ вещи въ подлинникѣ, которыя видѣлъ я тамъ и сямъ въ однихъ токмо изображеніяхъ перомъ Автора.

Мысль сію принялъ я за пріятнѣйшую и любезнѣйшую гостью; и тотъ же мигъ, будучи въ глубоко-саббатическомъ состоя-

ніи началъ искажаться. Небеса рыдали, видя меня въ семъ безуміи, которое чрезъ полчаса времени и кончилось токмо тѣмъ, что я уязвилъ совѣсть мою новымъ и достойнымъ моихъ и братскихъ слезъ грѣхомъ.

Еще не разсвѣтало. Я прилегъ на канапе и началъ слезно раскаяваться въ томъ, что я сдѣлалъ. Въ семъ раскаяніи моемъ вообразилъ я свою мерзость и укорялъ себя, что какъ могъ я домогаться той Святыни, коя запрещена давапися псамъ. Чемъ болѣе я, видя свою крайнюю нечистоту, смирялся, каялся и не щадилъ себя отъ ударовъ совѣсти; тѣмъ болѣе чувствовать я началъ вдругъ нѣкоторое наитіе на меня благой, кроткой, мирной и неизреченно сладкой теплоты.

Теплота сія, по мѣрѣ приумноженія своего, дѣлала во мнѣ нѣкоторое духовное распрямленіе, и чемъ болѣе распрямлялся я (смирялся) и растягивался, акибы опускался въ низъ изъ винтальности, или изъ кручености своей, тѣмъ болѣе согрѣваемъ отъ нея былъ. Наконецъ, кажется, расправился я точно до младенческой простоты, гдѣ я ни раскаянія, ни омерзенія къ себѣ уже не чувствовалъ вовсе, и словомъ, не чувствовалъ ничего, кромѣ высочайшей и никакимъ словомъ неизобразимой простоты и смиренія. Въ семъ состояніи теплота оная столико излилась на меня, что я, будучи въ совершенномъ бдѣніи, чувствовалъ весьма и весьма живо, какъ она теплоту жизни тѣлесной вшянула и поглотила въ себя, и сдѣлала ея

чувствительною, живою и бодрою въ себѣ и изъ себя. Тутъ должны пресѣчься слова мои: ибо не льзя изобразить того, въ какомъ я гармоническомъ и, можно сказать, безсмертномъ состояніи тѣла моего былъ. Кажется, что въ немъ ни умереть, ни поврежденну быть не льзя. Скажу токмо подъ печатью скромности, что чрезъ сіе явлено мнѣ высочайше духовнымъ явленіемъ, какъ поглощается жизнію смерть и свѣтомъ тьма; и какъ тлѣніе облекается въ нетлѣніе. Впрочемъ да вразумитъ чтущаго Богъ!

Нѣмотствуя такимъ образомъ о состояніи тѣлесномъ и о теплотѣ его, что скажу и сказать долженъ о моемъ духѣ, который проницательностію, жи-

вымъ познаніемъ нѣкоторыхъ вещей, и прочимъ и прочимъ, превосходитъ искуство мое изображать его! Въ семъ состояніи, которое казалось мнѣ полу бдительнымъ, уже происходило все, сказанное въ повѣсти; и когда стоялъ я предъ дверьми и крыломъ, то происходило въ духѣ моемъ нѣкоторое гравированіе тѣхъ истинъ, коихъ по нечистотѣ моей и беззаконіямъ являю одну токмо тѣнь, аминь.

БЕСѢДЫ Н. А. К.

Кратко записанныя Б. Д. котораго онъ былъ нѣсколько времени наставникомъ.

I.

Узнавъ отъ меня, говоритъ Д. какія читаю я книги и какія мнѣ больше нравятся, говорилъ

мнѣ сей блаженной памяти мужъ слѣдующее.

„Ежели бы мы знали самихъ себя, совсѣмъ бы иначе поступали. Самопознаніе показало бы намъ, что намъ нужно и полезно, и что вредно и безполезно. Незнаніе самихъ себя есть причиною слѣпаго нашего стремленія къ высокимъ познаніямъ. Одинъ читаетъ такого-то высокаго автора, другой сего, третій того. Но какая польза отъ сего чтенія тому, кто не знаетъ еще и складовъ прямаго онаго чтенія? Я ничего болѣе не могу тебѣ рекомендовать для чтенія, какъ Іоанна Масона.(+) Жадность къ чтенію высокихъ мистиковъ не есть знакъ добраго основанія. Ежелибы мнѣ указали: этотъ столько полюбилъ *Кемписа*, что вездѣ его съ собою носитъ —

(+) Познаніе самаго себя.

я бы съ него глазъ не спустилъ: ибо таковый добрую подаетъ о себѣ надежду. Безъ дѣятельной и существенной работы мы точно не иное что есмы, какъ балагуры. Самопознаніе показало бы намъ, что мы за твари, и какому игу порабощаемъ себя.“

„Всякая вещь, къ которой мы не равнодушны, ѣздитъ на насъ верьхомъ. Ежелибъ мнѣ надлежало изобразить привязанность нашу къ тварямъ, то бы я отъ всякой любимой нами вещи протянулъ цѣпь къ сердцу и приковалъ къ ней оное.“

„Мы должны *работать*, а не питать воображеніе высокими, но для насъ мертвыми картинами вещей премірныхъ; должны себя узнать, обработывать дичь. Ветхій Адамъ долженъ згнить. Мы должны знать, что изъ насъ

и въ насъ вывариться должно. — Не спѣши къ познаніямъ: въ чистый сосудъ они сами вольются....“

II.

Получа отвѣтъ на данный мнѣ вопросъ: въ чемъ состоитъ поклоненіе духомъ и истиною, говорилъ онъ слѣдующее:

„Ежелибъ человѣкъ могъ себѣ наивозможнѣйше представить величество Божіе и свою малость, онъ бы разсыпался. Богъ толь великъ, что человѣкъ не можетъ довольно унизиться предъ Нимъ. Ежели бы мы увидѣли себя, мы бы ужаснулись. Мы не иное что, какъ черви гнусные и псы смердящіе: какъ можемъ довольно унизиться предъ Нимъ, какъ смѣемъ прикасаться нечистыми руками къ святымъ Его таинствамъ? и проч.“

III.

„Коль многіе, говорилъ онъ, заблуждаютъ, ища царствія Божія въ однихъ словахъ, а не въ дѣлѣ! Читаютъ высокихъ авторовъ, и думаютъ, что они близки къ таинствамъ.“

„Натура столь обманчива и хитра, что можетъ сама сдѣлать себѣ своего Христа, свое Евангеліе, какъ-то мы и видимъ. Она многія и высокія можетъ имѣть таинственныя познанія; но однакожъ они суть познанія периферіальныя, а не центральныя, и не иное что, какъ пустой блескъ. Такимъ блескомъ многіе ослѣпясь, хватаются толковать и изъяснять святое Писаніе, будучи совершенные невѣжды.“

„Ежелибъ мнѣ должно было говорить съ таковымъ, то я бы изъ двухъ вопросовъ узналъ его

насквозь. Я бы спросилъ, 1) что есть священное Писаніе? 2) сколько натуръ въ священномъ Писаніи, и 3) какъ оно относится къ человѣку до паденія и по паденіи его?,,

,,Многіе ставятъ въ параллель святому Писанію нѣкоторыя книги, но сколь ошибаются они! Во всѣхъ мистическихъ книгахъ весьма много натуры. Но въ священномъ Писаніи одна истая благодать. Ежелибъ нужно было мое мнѣніе о семъ, то бы я смѣло послѣ священнаго Писанія поставилъ Кемписа о подражаніи Іисусу Христу.“

Такъ развѣ не должно читать высокихъ авторовъ? спросилъ я.

,,Я не говорю, продолжалъ онъ, чтобъ не читать ихъ, но не должно поставлять ихъ цѣлію;

должно читать ихъ равнодушно, благодаря Бога, и удивляться Ему въ дѣлахъ, открытыхъ отъ Него достойнымъ мужамъ."

Но таковое чтеніе, говорилъ я ему, заставляетъ меня ревностно *просить и толкать*.

„Ревностное моленіе наше, отвѣчалъ онъ, есть по большой части самолюбивое, натурою движимое. Молиться должно съ нѣкоторымъ какъ бы хладнокровіемъ, вѣдая, что Богъ непрестанно творитъ то, что Ему угодно. Было и со мною, что и я сильно кричалъ, просилъ и вопилъ: но послѣ увидѣлъ, что сему не такъ быть должно; натура обманчива."

При сихъ словахъ разсказалъ я чувствованіе мое, что когда я въ темную ночь молюсь, часто приходитъ мнѣ такая мысль: *вотъ, вотъ просвѣтится*

свѣтъ и явится тебѣ Самъ Христосъ. На сіе отвѣчалъ мнѣ, что сіе есть обольщеніе натуры.

IV.

„Коль необходимо нужно, говорилъ онъ, глубокое смиреніе и уничиженіе! Смиренные, терпѣливые поступки просвѣщеннаго Бема, съ каковыми долженъ онъ былъ переносить гоненія отъ клеветниковъ своихъ, важнѣе всѣхъ его писаній.“

Весьма часто случалось мнѣ слышать сожалѣніе его о томъ, что многіе хотятъ летать, не имѣя крыльевъ, или стараются только о знаніяхъ, но не хотятъ ничего дѣлать.—“Уже ли мы, говорилъ онъ, можемъ что имѣть безъ собственнаго практическаго исполненія?“

„Многіе невоздержные въ пищѣ жалуются, что они не мо-

гутъ воздерживаться, и просятъ Бога, чтобъ Онъ имъ далъ силу къ тому. Уже ли думаютъ они, что Богъ сдѣлаетъ для нихъ чудо? Развѣ имъ хочется, чтобъ Богъ отнялъ у нихъ руку, когда хотятъ они брать ею пищу? Сіе не было бы свободная воля. Надлежитъ рѣшительно приняться за дѣло“ и проч.

V.

Однажды изъявлялъ я ему чувствованіе, что при отправленіи службы Божіей приходитъ на меня нѣкая робость, съ такимъ ощущеніемъ недостоинства моего, что я не смѣю тогда ни пѣть ни читать. Онъ отвѣчалъ мнѣ весьма строго сими словами:

„Надобно все дѣлать просто, съ простымъ сердцемъ, дѣлать литерально, а не умничать.“

„Я бы почелъ сіе за знакъ

истиннаго смиренія , ежелибъ кто столько былъ униженъ, что кромѣ молитвы Господней ничего бы не отваживался говорить и читать: ибо сія молитва есть молитва всѣхъ молитвъ. Но мы и читать и молиться должны безъ умничанья; у насъ Заступникъ великъ!“

Тогда же по нѣкоторомъ молчаніи продолжалъ:

„Нѣтъ, мой другъ, царство Божіе не въ словахъ, но въ силѣ. Замѣть себѣ: когда ты видишь юношу, у котораго щеки румяныя, красивыя, полныя , то знай , что тутъ нѣтъ Христа. Ветхій Адамъ долженъ быть распятъ; безъ креста не увидишь Христа, и не обнимешься съ Нимъ въ истинной сладкой любви. Въ толстыхъ брюхахъ не живетъ Христосъ. Надле-

жишь тому паришься въ огненной купели, кто хочешь соединишься со Христомъ.“

Сія бесѣда заставила меня стараться ближе съ нимъ познакомиться; и спустя нѣсколько времени объявилъ я ему сіе мое желаніе; но иногда говорилъ онъ мнѣ кротко:

„Чего ты ищешь отъ меня? Я тварь недостойная: Богъ одинъ богатъ, а мы всѣ нищіе; у Него просить должно. Жаль мнѣ, что многіе изъ друзей нашихъ стараются, ищутъ, а сами не знаютъ чего? — Скажи мнѣ, какая цѣль твоего исканія? Я отвѣчалъ искренно: *быть орудіемъ Іисуса.*

„Такъ подражай Ему всею твоею жизнію, сказалъ онъ. Бери себѣ каждой день какую нибудь тему изъ правилъ священнаго Пи-

санія, и старайся дѣйствительно и точно поступать по ней. Знаю, что нѣсколько дней съ начала не исполнишь ты сего, но со временемъ Богъ поможетъ.„

VI.

Нѣкогда говорилъ сей достойный мужъ: „ мы должны какъ можно стараться о простотѣ сердца, съ каковою надлежитъ исполнять пунктуально откровенныя истины. Многіе по невѣжеству стараются въ разрисованныхъ и разкрашенныхъ цвѣткахъ представить истину. Но то не есть чистая истина. Самые просвѣщенные писатели много имѣютъ натуры въ писаніяхъ своихъ.“

„Въ священномъ только Писаніи есть чистая благодать и нагая истина. Къ чтенію онаго приступать должно съ про-

сіпымъ, смиреннымъ сердцемъ и молитвою, а не лежа на постелѣ мягкой, какъ многіе безумно дѣлаютъ. Въ священномъ Писаніи всѣ тайны; но тайна всѣхъ таинъ, и чудо чудесъ есть воплощеніе вѣчнаго Слова, которую тайну мы будемъ изучать во всѣ вѣчности вѣчностей.“

VII.

„Умничанье наше, говорилъ онъ еще, и поверхностное, не переваренное чтеніе высокихъ писателей столько вскружили намъ голову, что мы уже за стыдъ себѣ почитаемъ слѣдовать наружнымъ обрядамъ нашей церкви. Что мнѣ нужды въ томъ и томъ, говоритъ иной. За чемъ мнѣ итти въ церковь? я и дома, еще лежа на постелѣ, могу молиться духовно.—Ложное понятіе о истинномъ состояніи мо-

литвенномъ, или лучше сказать, совершенное невѣжество!

„Самой простой крестьянинъ лучше насъ. Онъ на одинъ вздохъ отстоитъ отъ царствія небеснаго. Пусть водитъ его до времени звѣздное небо, но ему одинъ только шагъ стоитъ сдѣлать: наше же умничанье крѣпко насъ запушало, и мы старое потеряли, а новаго не нашли. Въ такомъ состояніи надобно уже намъ ревностно итти и не останавливаться.„

„Положимъ, что и послѣ сей жизни есть еще возможность прійти въ первобытное состояніе, но я сію будущую возможность и нынѣшнюю удобность могъ бы такъ себѣ представить: на примѣръ, хотя и трудно мнѣ нынѣ дойти до М. (буду-

чи больному въ деревнѣ); однакожъ могъ бы дойти въ нѣсколько часовъ. Но ежелибъ мнѣ отрубили руки и ноги, и по неволѣ долженъ бы былъ ползть на брюхѣ, то таковое шествіе во сколько разъ было бы труднѣе и продолжительнѣе онаго? – Точно такъ удобно достигнуть намъ царствія небеснаго въ сей жизни, какъ мнѣ удобно дойти до М. и точно же такъ напротивъ трудно достигнуть онаго въ будущей жизни, какъ я по сравненію сказалъ выше; но и то, ежели есть еще лучь милосердія Божія къ намъ послѣ смерти.„

VIII.

„Мы должны стараться видѣть собственными глазами, а не чрезъ очки; должны умѣть читать *собственную свою книгу*.“

„Чрезъ чтеніе просвѣщенныхъ авторовъ не придетъ въ насъ царствіе Божіе. Мы должны быть собственными Бемами для себя. Мы должны стараться найти въ себѣ самихъ настоящую точку зрѣнія и истинный ключь къ разумѣнію всѣхъ писаній.“

„Многимъ сіе странно кажется, когда я, будучи почти невѣжда, не читавши никакихъ почти высокихъ вашихъ книгъ, скажу что нибудь при случаѣ изъ маленькихъ листковъ собственной моей книги, и то самымъ простымъ моимъ языкомъ. Есть у меня нынѣ нѣкоторыя такого рода книги, но я ни одной не прочиталъ всей по порядку ; ибо гдѣ я ни разкрою, и что ни прочитаю, кажется, что то будто вылилось

изъ моего сердца, и для меня не новое."

„Каждаго изъ оныхъ авторовъ вижу я, въ какомъ духѣ и на какой степени онъ писалъ. Различіе сихъ степеней есть причиною, что иной меньше, а другой больше имѣетъ натуры и собственности въ писаніяхъ своихъ, и потому иной въ 20, другой въ 5, третій въ 1мъ томѣ могъ выразить открытыя ему истины. Иные изъ таковыхъ писателей хватались за перо, какъ скоро чувствовали духовное первое восторженіе къ показуемой имъ истинѣ, еще какъ бы при смерканіи, а другіе гораздо позже."

„Царствіе Божіе уподобляется *тремъ сатамъ, сокрытымъ женою въ мукѣ, пока все вскиснетъ*, т. е. пока всѣ три части человѣка, духъ, душа и тѣло какъ

бы перебродятъ и вскиснутъ въ новой жизни и силѣ чрезъ возрожденіе. Тогда ясныя и чистыя истины могутъ уже быть сообщаемы перомъ безъ примѣса натуры.“

„Ежели бы я все то записывалъ, что происходило со мною на чудномъ пути моемъ, написалъ бы цѣлую сотню бумаги.“

„Истина открывается всякому особо, и сообщается въ такомъ духѣ, какого качества и способности натуральный его духъ. Иному премирныя вещи открываются въ соляхъ и елейностяхъ, другому въ водахъ, третьему въ линіяхъ, и такъ далѣе. Всѣ духовныя писатели описываютъ одно, но каждой особо и отлично, и для каждаго свой путь очищенія и откров-

нія, хотя пушь единъ и познаніе едино.“

„И такъ старайся быть собственнымъ Бемомъ; ибо каждый истинный бр. шаковъ. Безъ сего же будешь смотрѣть въ чужія очки и не будешь имѣть живаго, собственнаго свѣта.“

IX.

Нѣкогда въ благорастворенные Майскіе вечерніе часы прогуливался сей достоуважаемый мужъ, въ сопровожденіи трехъ особъ, съ которыми находился и я. Сѣдши подъ тѣнію густыхъ деревъ, разсматривали мы пріятное мѣстоположеніе, гдѣ на зеленомъ лугу паслось стадо овецъ. Одна изъ бывшихъ съ нами дамъ подала матерію къ весьма важному разговору. (Чего онъ NB никогда самъ не начиналъ, ежели другой не подавалъ ему

случая къ сему такъ, что послѣ подобнаго разговора самъ однажды мнѣ сказалъ: ежелибъ самъ Ангелъ съ неба благовѣстилъ мнѣ давича по утру, что я съ такимъ-то буду говорить о сей матеріи, я бы ему не повѣрилъ). Оная особа, глядя на овецъ, сказала: тамъ мать бляетъ по своемъ дитяти: не доказываетъ ли сіе, что мать болѣе любитъ дитя, нежели дитя мать?

По нѣкоторомъ молчаніи отвѣчалъ покойный К.„ да, не указываетъ ли сіе и на то, что и Богъ въ тысячю тысячь разъ болѣе любитъ насъ человѣковъ, нежели человѣки Его.“ Помолчавъ еще не много, продолжалъ выразительнымъ тономъ, говоря къ той же дамѣ.

„Скажи мнѣ, что такое Богъ?

Богъ есть Любовь, отвѣчала она

„Какъ же? вѣдь написано, что Богъ есть огнь пожирающій, прибавилъ покойный К.

На сіе отвѣчала ему: я ужъ этова не знаю. — Послѣ нѣкотораго также молчанія продолжалъ:

„Ежелибъ мы узнали, что есть Богъ, мы бы изумились. По моему невѣжеству и грубому понятію, я бы осмѣлился изобразить дѣйствіе Его такимъ примѣромъ: возьмемъ мы лимонъ и кусокъ сахару. Лимонъ по натурѣ своей кисль и остръ, а сахаръ сладокъ и размягчающь. Ежели лимонной кислой сокъ смѣшаешь съ сахарною сладостію, будешь имѣть наипріятнѣйшій лимонадъ; но ежели оную сахарную сладость

шаешь съ острою солью;
ная же сладость, составля-
я съ кислотою пріятнѣйшій
орь, будетъ солью испорче-
претворена въ противный
вращительный вкусъ.—Симъ
нѣромъ хочу я показать, какъ
есть любовь и огнь пожи-
ній. "

„Ежели мы принимаемъ въ
качество сладости, то пре-
ествляемся въ сладость и
овь. Тогда Богъ есть для
любовь, благость, кротость
ождѣленнѣйшая. А ежели мы
зуемъ себя въ качество ос-
й соляности, претворяемся
дкое существо, и Богъ бы-
пъ для насъ огнь пожирающій:
какое качество мы въ себя
нимаемъ, тѣмъ и дѣлаемся.
! сказалъ онъ вздохнувши, ко-

лико должно опасаться солянаг качества, и колико должно спа раться качествовать себя въ сладость! “ и проч.

Конецъ.

ПОГРѢШНОСТИ.

Напечатано:			Читай:
стран.	стр.		
15	1	изобильнаго Бога,	изобильнаг дарами Г га,
31	7	возвращеніе	вовращеніе